

Вашъ вы нан!
Тихъ и дѣ

Дмитрий Стрешнев
БУЛКИНЪ И СЫНЪ

ретро-
детектив

Дмитрий Стрешнев
«Булкинъ и сынъ»

«Автор»

2023

Стрешнев Д.

«Булкинъ и сынъ» / Д. Стрешнев — «Автор», 2023

Эта история происходит в начале XX века в уездном российском городе. Местный богач начинает получать письма с угрозами и решает обезопасить свою жизнь, наняв в телохранители тех, кто имеется под рукой в его провинциальном крае: местного детектива и журналиста бульварной газетки, который славится тем, что неплохо умеет стрелять. Целый месяц эта троица, не выходя из особняка богача, готовится к часу мести, обозначенному в угрожающих письмах. Судя по содержанию регулярно приходящих писем, преступники каким-то образом прекрасно осведомлены о том, что делается внутри дома. Психологическое напряжение троицы затворников растет, к тому же они вскоре надоедают друг другу, а двое нанятых телохранителей подозревают друг друга в предательстве, следят друг за другом и то и дело вступают в конфликт. Когда наступает назначенный срок, развязка происходит совсем не по ожидаемому сценарию...

© Стрешнев Д., 2023

© Автор, 2023

Дмитрий Стрешнев «Булкинъ и сынъ»

1.

– Мне говорили о вас, как о человеке бесстрашном и... не чурающемся хорошего заработка.

Я поклонился.

– Прошу, садитесь. (Я сел в кресло.) Вы, наверное, знаете, кто я?

Да, я знал.

Передо мной был Савватий Хряпов – олицетворение "Волжского баржевого пароходства", "Цементы и прогресса", плеяды заводов, доходных домов и водных караванов.

– Сигару?

– Не курю. Мерси.

– Мое дело, – продолжил Хряпов, – несколько необычно, может быть... Впрочем, мне будет затруднительно и длинно описывать всё самому. Лучше прочитайте вот это. Вы газетчик, мне говорили?

– Да, – сказал я, беря протянутый листок. – Сотрудничаю в "Нашем голосе".

Листок, который я взял, представлял собой письмо, написанным способом не совсем обычным, хотя не слишком оригинальным: корявыми печатными буквами.

"Господин Хряпов, – прочитал я. – Вы меня, вероятно, помните. Меня зовут Федор Булкин. Я владелец, вернее – экс-владелец дела "Булкин и сын", которое съела ваша контора. Полгода назад я приходил к вам – напрягите память: я унижался, валялся у вас в ногах, моля оттянуть уплату по векселям. Вы отказали мне, хотя не испытывали нужды в деньгах. Я стал нищим, имущество пошло с молотка. Ужасная жизнь! Моя жена умерла, не вынеся потрясений. Я лишился лучшего друга, мой сын – матери. Я много думал, прежде чем решился на то, о чем скажу сейчас. В конце концов я пришел к решению, что зло, даже если оно прикрито законом и имеет видимость несчастного стечения обстоятельств, должно быть наказано. Тридцатого августа я приду отомстить..."»

Дойдя до этого места, я невольно поднял глаза – посмотреть на численник на ореховом хряповском столе.

– Да-да, – быстро сказал хозяин, уловив движение. – Остался месяц и пять дней! Читайте, читайте, Петр... э...

– Владимирович, – пробормотал я, продолжив чтение.

"...Я не намерен привлекать наемную руку и отмщу вам сам. Булкин.

Не вздумайте пытаться скрыться или поймать меня в полицейскую ловушку, иначе мне придется прибегнуть к методам менее благородным".

– Мда...

– Прочитали? – живо спросил Хряпов и вынул письмо у меня из пальцев.

– Прочитал.

– И что вы скажете?

– Для простого шантажа слишком красиво и длинно. Похоже на картельный вызов – приглашение на дуэль.

– Я тоже об этом думал. Потому и пригласил вас.

– В качестве секунданта?

– Нет. В качестве дуэлянта.

– Ясно, – сказал я. – Хотя... э... вы хотите, чтобы я... вместо вас?

– Нет, не вместо меня – вместе со мной. Вы хорошо стреляете?

– Полагаю, вы это знаете.

– Вы правы, я наводил справки. Что ж, отлично, я предлагаю вам контракт.

– А в чем, собственно...

– Мне нужно услышать ваше согласие или отказ, – сказал Хряпов, перерезав мой вопрос. – Условия: 50 рублей за каждый день плюс полторы тысячи в случае успеха. Существо дела я не могу вам открыть, пока не буду знать, что заполучил вас в свое распоряжение – извините за прямоту. Чужому человеку, знаете ли...

– Ясно, вы опасаетесь огласки планов, – сказал я; я уже подсчитал в уме итоги хряповской щедрости – выходило порядка трех тысяч. – Однако, вопрос сложный, время на обдумывание...

– Конечно, – снова нетерпеливо перебил Савватий Елисеевич. – Но поймите и меня. Время не терпит, а между тем игра не шутейная. Прошу вас дать ответ завтра же... к пяти часам пополудни. Жду вас у себя, дорогой Петр Владимирович.

– Вы сказали: успех оплачивается полутора тысячами, – сказал я, отмечая про себя слово «дорогой». – А что ждет участников в случае... неуспеха?

– Хе-хе... – хекнул Хряпов и встал, видимо, желая закончить аудиенцию.

Я тоже поднялся, стараясь скрыть недостатки костюма непринужденностью манер.

– В случае неуспеха... – сказал Хряпов, подходя ко мне и обласкивая пальцем бородку, – в случае неуспеха вам, возможно, эти тысячи будут, некоторым образом... безразличны... Хотя, древним царям клали сокровища в гробницы, и еще греки... хе-хе... брали с собой грошик – заплатить перевозчику через реку забвения... хе! – смешок вышел скорее озабоченным, чем легким и веселым.

– То есть, вы считаете, что имеется вероятность гибели?

Хряпов сморщил нос.

– Все газетчики ужасно прозаичны, – сказал он, сделал самое приятное лицо и протянул мне руку. – Желаю хорошо подумать, Петр Владимирович. Запомнили: в пять часов?

– Запомнил, в пять. До свидания.

– Мое почтение...

Хряпов взял со стола колокольчик – вызвать слугу. Перламутровая отделка этого пустяка порождала мысль о зубочистках из слоновой кости и сандаловых спичках.

– А пропо: если ваше намерение укрепитя, Петр Владимирович, соберите с собой сразу необходимый набор вещей для затворничества на месяц и четыре дня. Возможно, мои лары и пенаты превратятся для вас на это время в черберов.

– Иначе говоря, я буду лишен возможности выходить из этого дома? – сконкретизировал я. – Ладно. Если решусь – захвачу всё необходимое.

2.

Откровенно говоря, против той приманки, которую бросил Хряпов на чашу весов, я мог положить лишь легковесный противовес мутных сомнений. Я находился в положении, когда наклоняются за оброненной копеечкой. Воспоминания о днях, растерзанных репортерской беготней, о душном и тягостном редакционном коридоре, ежедневном мозговертком слове «гонорар» лишь обостряли предвкушение того, как славно я заживу с тремя тыщонками монет в кармане, да еще тиснув в родном «Голосе» на первой полосе: «Как я спас одно уважаемое лицо».

Не надо думать, что мысли мои поднимались слишком высоко по шкале грез. В конце концов, что такое в наше время три тысячи? Фью-у-у-у! Громкий звук этой цифры может обмануть лишь извозчика. Нет! Мои идеалы не шли дальше вечеров в подтяжках на диване,

бутылки шампанского и доброй компании на Рождество да визитных карточек с золотым тиснением: «Петр Македонский, свободный журналист».

Чем я рисковал?..

Я еще не представлял этого ясно. Возможно, дело было и впрямь серьезное. Во всяком случае, не шантажное. Я мог бы держать в этом отчаянное пари на последний пиджак: слишком непросто было заварено – мой нос не чуял банального вымогательства.

Боялся ли я?

Я не думал об этом. Мне уже приходилось слышать свист пули у виска и проверять себя на способность быстро принимать верные решения. Я вполне полагался на твердость земли под ногами и звезду в небе фортуны. Помимо прочего, как ни забавно, меня успокаивала домашняя и мягкая фамилия злодея: Булкин.

Был ли я авантюристом?

Не знаю... Наверное, нет. Просто газетчиком с повышенной темпераментностью. Путь к счастью и богатству виделся мне скорее взрывчатым и щекочуще-дерзким, нежели кропотливым складыванием копейки к копейке или как нечто, заслуженное лысиной и честным геморроем. Поэтому я мог бы сразу, не колеблясь, связать свою судьбу с хряповской, но условности требовали от солидного, серьезного человека взять срок для размышления. В душе же я радвался риску, как ребенок забаве. Так устрицы из английской сказки, которых Морж и Плотник соблазняли приятной прогулкой и беседой о башмаках, кораблях и сургучных печатях, вылезли из зеленой скуки морского дна, несмотря на неприятную возможность быть съеденными.

Но торговаться ли с Хряповым о повышении залога за мою жизнь?

К вечеру я решил: нет.

3.

Редакция «Нашего голоса» напоминала форменный муравейник, каждую секунду кто-нибудь вбегал внутрь здания или выбегал наружу, поэтому входные двери здесь сняли еще три года назад, поставили в сарай и сторож отдал их на сторону за водку. Среди суеты, что кипела у входа, имелись сейчас три неподвижных предмета: тумба с роскошными фамилиями провинциальных актеров, извозчик на пролетке с верхом-«раковиной» (лошадь, наклонясь, лизала брошенный калош) и хроникер Василий Беспровзванный в рыжем кепи и косоворотке, шитой квадратом. Хроникер «ловил тему».

– А-а-а! – сказал он. – Петр Владимирович, с кисточкой! Где это вы гуляете? Буз с утра вас спрашивал.

Я не любил этого хлыща, слишком болтливого и завистливого для своей профессии.

– Здравствуйте, Василий, – сказал я специально растянуто, чтобы в воздухе запахло чем-то недосказанным. – Были дела... были-с...

Пижон-Васька стал глотать меня глазами.

– Если не секрет?

– Секрет.

Я не отошел и шага. Рука Беспровзванного нагнала меня, и сам он был уже тут, кретин в рыжем кепи.

– Возьмите на тему, Петр Владимирович, – сказал он близко, и изо рта его пахло семечками. – Сейчас с происшествиями скудно... Я вам верну потом, ей-ей! Хотите, обмусолим строительство вокзала? Я узнал: главный инженер потребовал от города взятку, наши не дали, тогда министру положили доклад, что железная дорога здесь невыгодна. А вокзал уже начали стро...

– Перестаньте шакалить, Василий, – сказал я и вложил в слово столько мороза, сколько мог. – Буз у себя?

– Жа-аль, Петр Владимирович, – протянул Беспрозванный обиду.

Хотя я невысоко ставил Васькины способности, но вынужден был крепко наступить себе на язык, чтобы не выпустить из зубов на волю хотя бы кончик истории. Близкий редакционный дух – особый дух клея, чернил и сплетен – наполнил мой рот словами. Внутри здания все шевелилось, скалилось, мололо в три жернова чепуху – но я миновал даже «ремингтоновских» и «ундервудных» барышень немой, как могильный крест.

У двери «И.Г.Бузь» я постучал и вошел после резкого «Да!».

Иван Гаврилович, главный начальник и благодетель «Нашего голоса», одновременно разговаривал по телефонному аппарату, читал оттиск и пил чай с мармеладом. Но на Цезаря он все же не был похож из-за круглых проволочных очков.

– Да, – говорил он в аппарат. – Нет. К шестому часу жду. И точка. А то рассчитаю.

Он повесил на крючок говорительную трубку и буркнул барбосом:

– Садись!

Я сел – нога на ноге.

– Где был? Мы тебя ищем с утра. На складах неизвестные вывезли три подводы мануфактуры, оглушив сторожа. Я срочно посылал за тобой мальчишку в пролетке, но тебя не нашли дома. Пришлось направить для репортажа Колю Бабича. Где ты был? Играл? Пил? У женщины?

Я улыбнулся по-сфинксы.

– Не скажешь? Пес с тобой.

– Я нанимался.

Буз, который до этого то и дело чиркал по оттиску глазом, оставил мармелад.

– Нанимался? К кому? Что за чушь...

– К... – я хотел намекнуть, но меня держало слово, данное Хряпову, а газетчики – народ вострый, из одного намека размотают всю историю. Я прикусил язык. – К некоему... видному лицу.

– Ну-ну... Зачем же ты ему сдался? На Рождество открытки сочинять?

«Постой, Гаврилыч, – подумал я. – Хихикать-то рановато».

– Зачем же открытки? Телохранителем, – и по заострившемуся взгляду я понял, что Буз зацепился.

– Как? – сказал он. – Ну-те... Поясни, Петя.

Я расстегнул пиджак и перекинул ногу повыше, по-американски. Муза завирательства уже была тут и знакомо пощекотала под языком.

– Прежде всего, – сказал я, – дело это частное и, как говорят французы, тре деликатэ. Поэтому я буду сдержан и не назову имен. Но даже то, что я расскажу, это – антр ну, ву компрене, Иван Гаврилович?

– Разуме... – главный кивнул, хлебнув чаю.

– Вам обстоятельно или в общем наброске?

– Обстоятельно, – сказал Буз ртом с чаем.

– Хорошо. Обстоятельно, как в романе Золя с примечаниями Мопассана. Итак...

Кабинет Буза размещался на четвертом этаже. Главный редактор «Нашего голоса» имел право сидеть высоко, так что под окном горбилось бесконечное стадо крыш. Из рыжей этой унылости вырывались вверх лишь церковная звонница и труба лесопильного дела братьев Будрыкиных. Зато отсюда за милую душу можно было заметить любой неперенный воскресный пожар и еженедельный пароход «Еруслан» на крутом дальнем колене реки. Благодаря высокому этажу, отдел городских новостей в газете процветал.

– Итак, – сказал я, – некий помещик, не из последних в губернии... но из тех, кто живет близко от нашего города...

– Любовная история, – поспешил с догадкой Буз.

– Да, – подтвердил я, – сумасшедшая любовь и... более того. Но – о тур де роль обо всем. Уж долго у меня на примете была эта интрижка – с самого... да! с Рождества. Вот-с... Не буду растягивать, уцепил я ее нюхом. Случайно. Глазки в театре и все такое...

Я посмотрел на потолок. Там летела траченная пылью греческая дева Диана, а три амура трубили в трубы и держали ленту – прикрывать ей стыдные места.

– На героя я уже намекнул. Героиня... знаете ли, из тех, к кому на высоком балу не всегда подойдешь: кавалеры задами ототрут... Ну, а тут – молодой барин. Широкая душа, расстегаи, тройки, цыгане до зари...

– Она замужем?

– О да! – воскликнул я с таким пафосом, словно убеждал чиновника налоговой конторы. – Ее муж ревнив, как мавр! Это большой человек... и... и как раз то самое лицо... Впрочем, это слово не совсем подходит к персонажу – просто образованный, богатый человек...

– Кури, – сказал Буз.

Он протянул собственные, из портсигара, и я почувствовал, как наливаюсь весом.

– Мерси, не курю, вы знаете, – и на всякий случай добавил: – Бросил.

Буз кивнул, выудил папиросу из пачки («Константинопольские», крепкие и дорогие: 10 штук за 10 копеек), закурил и – вместе с дымом:

– Какая она из себя-то?

– Кто?

– Твоя... принцесса.

– А-а... героиня? – я снова перекинулся взором с голым обществом на потолке. – Увольте, Иван Гаврилович, такую красу трудно описать... Может быть я и сам слегка впал в амур... Ну, знаете... блондинка, прямые черты... рот несколько большой, но без лишнего, в норме, ком или фо. Глаза нельзя назвать огромными, но выразительные. Такие, знаете, чуть-чуть печальные. Маленькие ушки – вы бы их не заметили. (Интересно, почему Диана без ушей?) Фигура... греческой богини; бюст... Впрочем, это уже лишнее...

– Не стесняйся, Петя, – сказал Буз. – Говори всё, что считаешь нужным.

– Значит, бюст... тоже греческой богини, – уточнил я.

Тут двери разинулись, и появился линотипист-печатник Порывайло.

– Гарт, туда его, дрянь. Стынет быстро и раковину дает, – сказал Порывайло без церемоний; Буз его любил.

– Ладно, – сказал он. – Зайди потом...

Порывайло скрылся.

– Ну? – сказал главный. – Мы остановились на... хм... бюсте.

Правда, для такого поэтического предмета фантазия у тебя оказалась скудновата.

Было видно, что несколько возможных кандидатур Буз уже успел в уме перебрать.

– Так что там за история?

Я вдохнул побольше редакционного воздуха («Так вот...») – и одним духом набросал наглое похищение красавицы ухарем-помещиком с бандой преданных людей. Мчались на бричках; злодей, прижимая помертвелое сокровище, кричал: «Гони-и-и!..» Жутко скалились холуи и купленные до предков индийского колена цыгане. Храпели кони, чуя неладное, нечистое. Неслись по деревням и раздавленным в филе курам – к загородному дому в два этажа. Обманутый супруг, пряча рога (поскольку боялся ослабления и насмешки), весь гнев с изрядной долей капитала вложил в тайную месть. Был нанят отряд, чтобы отбить у врага его приз: три гимназиста, подозреваемых в сочувствии социалистам («Социалистам – это хорошо, – подумал я. – Это модно – социалисты»); представители темного мира, но так – золотая шпана, ничего

крупного; дворник и я. Немного поколебавшись, я добавил в лагерь похитителей анархиста, примкнувшего за идею, а в другой лагерь – полицейского агента.

Обе стороны вооружены. Муж полон решимости вернуть пышноволосое сокровище с греческим бюстом, похититель – оное отстоять.

Так я заливал Бузу минут двадцать... Если бы в кабинете случайно оказались Луи Буссенар или Фенимор Купер, они вмиг охладели бы к своим Южным Африкам и Америкам и перенесли бы сюжеты к нам в губернию. Во время рассказа в дверь несколько раз просовывались головы, но Буз всем отвечал коротко, намекая, что занят.

– А почему пригласили именно тебя? – спросил он.

– Извольте. Дело, как видите, серьезное и щекотливое. Подозреваю – переговоры ни к чему не приведут. Ну а тогда... возможна борьба, выстрелы, пули... Кто знает, сколько неожиданностей в запасе у фортуны! Поэтому, чтобы засвидетельствовать юридическую сторону событий (в случае вмешательства властей), взят полицейский чин, а чтобы склонить общественное мнение и завоевать его снисхождение – ваш покорный слуга и пока сотрудник.

– Почему – пока? Ты думаешь, что... тебя могут...

– Нет. Не думаю, но мне нужен отпуск на месяц... Впрочем, я уверен, что вы его все равно не дадите.

– Не дам, – сказал Буз, хотя я, откровенно говоря, немного надеялся на чудо, поскольку считался неплохим «скандальщиком». – Ты ведь знаешь, какие у нас дела... А почему так много: месяц?

– Я нанимаюсь, – напомнил я. – На месяц. Контракт, неустойка... Как в самых солидных домах...

– Нехорошо, Петя, – мягко сказал Буз. – Хочешь в две руки заработать? Сколько тебе лицо-то платит? Чай, как в самых солидных домах?

– Есть, конечно, деньжишки, – признался я. – Бог даст, пятьсот отхвачу.

– Полтысячи рублей! – раздул главный удивление. – Ай да Петя!..

– Что ж, стало быть, отпуска не будет?

– Нет, Петя. Сам знаешь: денег нет, издатели жмутся, – он вздохнул впервые без приговора. – Бумага растет, черт... краска растет... Ну, а если надумаешь к нам снова после этого... дела – в тот же день примем. Это я тебе говорю. Дружбу не кончаем. И вот что...

Подошло к самому важному.

– Станешь ты, Петя, миллионщиком, или наймешься матросом в Индию, сам для себя ты всегда будешь газетчиком. Так газетчиком до гроба и останешься...

– Увы, – сказал я. – От себя не скроешься, это верно. Вы ведь на матерьяльчик из первых рук намекаете, Иван Гаврилович?

– На матерьяльчик, – сказал Буз. – Тема в случае чего в нашей дыре для первой полосы подойдет. И перо у тебя быстрое, интересное. Закрути, Петя, чтобы получилось не хуже Власа Дорошевича, еще и с социальной подкладкой. Глядишь – в столицу выйдешь... на двадцать шестую полосу, ха-ха! – сострил Буз.

– Уж вы скажете, – отверг я с наигранной скромностью; мне нравилось, когда меня хвалили: приятно щекотало какую-то жилочку.

Потом Буз начеркал записку бухгалтеру Оресту Никодимовичу, чтобы мне дали расчет.

– Вычитаю за дрожки, в которых посылали нынче тебя искать... за чернилы... срыв полосы десятого числа... Остальное Никодимыч сосчитает. Ладно... Ну, до встречи, Петя! Ни пуха!

– Идите к черту! – твердо сказал я, зная, что Бузу это понравится: он любил показать, что в редакции есть демократия.

– Ну... мы надеемся, – снова сказал Буз между рукопожатиями, – Петр Владимирович... Адъё! И позовите ко мне линотиписта.

Я вышел.

Линотипист-печатник Порывайло стоял в коридоре, показывая всем готовую строку набора и говорил:

– Гарт – тово... туды его! Раковину дает.

– Семен Семеныч, к самому, – сказал я.

Он закивал, торопясь.

– Гарт, говорю, дрянъ, – сказал он мне.

– Да-да, – согласился я, – раковину дает.

Порывайло еще раз кивнул и с образцом «туды его» пошел к кабинету.

Я тоже пошел было, но отовсюду выскакивало столько знакомого народа, что в конце концов меня остановили. Это была «ремингтоновская барышня» Зиночка, завитая мелким бесом, в блузке цвета перванш, как манная каша, размешанная с джемом.

– Здравствуйте, Петр Владимирович, – сказала она, раскинув на меня глазищи.

Мне было приятно ее видеть, я даже отметил про себя эту встречу, как счастливую примету: повезет.

– О чем это вы так долго говорили с Иваном Гавриловичем?

– Так... – сказал я. – Проза. Просил прибавить к жалованью.

– Неправда, – сказала Зиночка со всей силой двадцатипятилетнего кокетства. – Я заглядывала: вы сидели такой важный... Вас повысят, да?

Я поглядел в голубые глаза, где навсегда приютилось ожидание маленького, тихого счастья у розового абажура.

– Меня сделают генералом, а вас я возьму в генеральши, – сказал я, строя пальцами буку.

– Хи! – сказала Зиночка. – Вы шутите, ах вы какой!.. Я все равно у Буза выпрошу.

Она качнула плечом я ля фам трэ эндепангант и вежливо ушла, такая же мило-глупенькая, как прочие, но симпатичненькая, что встречается реже. Когда получу три тысячи, прикинул я, возьму ее в жены... в содержанки... нет, просто пофлиртую. Перчатки, чулки, извозчик, обед с вином на двоих... Тридцатка в месяц максимум... Да, просто пофлиртую.

На прощание я обошел родной «Голос», начав со старого хранителя кредитных сокровищ Никодимыча. Бухгалтер, отдел репортеров с продавленным дежурным диваном в пупках, наборная – всё вплоть до подвального узилища, где с ревом и громом («Пшшш – гррррым!») рвалась с катков плоскопечатная машина «Бауэрбахъ»... К концу пути я утонул в сентиментальных чувствах, как муха в сиропе.

Когда я вышел, Васька Беспрозованный вдруг снова появился непонятно откуда – точь-в-точь Мефистофель в «Фаусте», обернувшийся из пуделя.

– Петр Владимирович! – прокурлыкал он ласково, словно совращал курсистку.

– Эх, Василий! – сказал я, кладя ему руку на плечо, сутулое от тягот борзописания. – Вот так... Трам-пам! Прощай, мой табор!

– Петр Владимирович, я сойду с ума от любопытства, – простонал Беспрозованный, – Я же чую... чую...

– Не сойдете. Пишите про вокзал.

– Петр Владимирович! Не издевайтесь над коллегой.

Вдруг я увидел: на мутных часах под крышей стрелки подбирались к нужной цифре. Пора собираться к Хряпову.

– Виноват! – сказал я. – До встречи. Адъё!

– Всё равно узнаю! – гадко крикнул вслед Васька.

Я махнул рукой.

4.

Я вошел, когда часы в хряповском кабинете простонали пять раз.

– Вы пунктуальны.

– Точность – вежливость королей и заговорщиков.

Он заставил себя не поморщиться.

– Вещи у вас с собой?

– В прихожей – чемодан.

– Отлично. Степан, отнеси вещи господина Мацедонского в комнату. В какую – знаешь!

И не беспокой нас, нужен будешь – позову... (мне) Могу я считать, что вы согласны?

– И я, и мой чемодан в вашем распоряжении.

– Хе! – сказал Хряпов почему-то совсем как Зиночка. – Шутите... Позвольте, уважаемый Петр Владимирович, прежде всего представить вам...

На диване сидел пухлый человек, основными приметами которого были щедрый греческий нос, усы, глубокие и темные эгейские глаза и носки с шелковой стрелкой.

– Михаил Теофилактович Фундуклиди, – объявил Хряпов. – Мой доверенный сыщик.

«Личный пинкертон», – поправил я про себя домотканый слог хозяина, ощущая превосходство человека, читающего современные заграничные романы.

Грек вскочил (диван радостно вздохнул) и после наших обоюдных кивков деловито сказал:

– Надеюсь, за вами не следили?

– Видите ли, господа, – сказал я, – Савватий Елисеевич... господин Федюкиди...

– Фундуклиди.

– Виноват-с... Видите ли, я долгое время работал в отделе происшествий и уголовной хроники. Вы, я полагаю, слабо знакомы с газетным делом. Любая газета, не имеющая в наше время отлично осведомленного уголовного отдела, похожа на пресный пирог: она засохнет, не вызвав аппетита. Читателю нужны изюмины, которые можно со вкусом разжевывать, пуская слюни ужаса. Поэтому уголовные газетчики, гоняясь за своим хлебом насущным, сами стали, можно сказать, заправскими бандитами и отличаются от настоящих лишь тем, что грабят не ценности и деньги, а события. Они могут лазить по водосточным трубам, спрыгивать с поездов и открывать хитроумные замки... Я по пути сюда два раза менял извозчика и пришел с черного хода.

– Петр Владимирович – человек опытный и храбрый, отлично стреляет, – вставил Хряпов.

– Да, да, – отрывисто крикнул грек.

Губа у Фундуклиди изогнулась от обиды, он громко задышал, как балаклавский контрабандист в участке. Потом он подошел к столу и выхватил из коробки черную сигару. Он закурил; глаза его сверкали.

– Что ж, господа, присядем к столу? – предложил Хряпов.

Мы приняли предложение и уселись, наполненные важностью, как будто три государя собрались решать судьбы мира.

После паузы Хряпов сказал:

– Для начала, господа, предлагаю утвердить наши отношения, подписав контракты. Я их уже подготовил, – он достал из широкого кармана халата сложенные листки, держа их двумя пальцами, каждый из которых венчал перстень с благородным камнем... Развернул, просмотрел и передал нам.

«Я, нижеподписавшийся такой-то...» – говорилось в контракте; далее следовало, что я, нижеподписавшийся, поступаю на службу к Хряпову Савватию Елисеевичу в качестве телохранителя с такой-то оплатой сроком на месяц и четыре дня и обязуюсь быть всегда при охраняемой особе. Также оговаривалась сумма неустойки (тысяча рублей), которую в случае

нарушения контракта пришлось бы выплачивать. Документ был заверен печатью нотариуса и подписью самого Хряпова. Каждый контракт был составлен в двух экземплярах.

Бегло прочитав, я подписал. Фундуклиди смотрел в бумагу, сдвинув брови и напуская на толстое лицо важность и значительность. Но увидев, что чинит задержку, он тоже торопливо вытащил паркеровское вечное перо и подмахнул. Хряпов собрал листки, оставив у нас по экземпляру, и убрал обратно в карман. Он повеселел, заиграл пальцами.

– Ну-с, а теперь, так сказать, для более близких отношений и душевного спокойствия, может, выдать вам аванс?.. В кредит, в счет будущих... э... любезностей и услуг?

– Да, – незамедлительно выпалил Михаил Фундуклиди.

– Кредит никому не вредит, – ловко срифмовал я.

Хряпов глянул на меня с усмешечкою: ох вы, газетчики!

– В таком случае, господа, формальность... расписочку...

Снова появилась бумага, снова мы писали, расписывались. Хряпов достал заранее приготовленные деньги – по триста рублей на душу (всё предусмотрел, мерзавец, купеческая душа).

«Занимательная ситуация, – подумал я, убирая хряповский аванс, – зачем нам деньги, если из дому выйти нельзя, даже спичек не купишь?»

– Собственно говоря, – сказал Хряпов, без труда отгадав мои мысли и наверняка мысли Фундуклиди (если тот вообще был способен мыслить критически), – у меня в доме деньги вам не понадобятся. Я предложил их для...

«...для пушего усердия», – саркастически продолжил я про себя.

– ...для того, чтобы укрепить доверие между нами... Ну, а теперь, – продолжил хозяин дома председательствующим тоном, – пора перейти к главной теме. Прошу, Михаил Теофилактович.

Фундуклиди снова засопел и заговорил резким голосом полицейского:

– Прежде всего – о полученном письме... Сведений мало. Отправлено из города, поскольку штемпель городского почтамта. Никаких отпечатков после химического анализа мной не найдено. На конверте много отпечатков, но не те... Есть один неясный отпечаток, но... – тут Михаил Теофилактович приостановился и многозначительно обвел взглядом вокруг. – Но есть мнение, что он поставлен нарочно, чтобы запутать поиски.

Слова «есть мнение» почему-то явно намекали на мнение самого Фундуклиди.

«Личный пинкертон» Хряпова пососал сигару и заключил:

– Письмо ничего существенного не дало и следствию не помогло.

Он продолжил:

– Что касается личности самого злодея, Булкина Федора Касьяновича, то он жил раньше на Слободской, 25, но полгода назад съехал. Дом и имущество описаны за векселя (Хряпов ерзнул на месте). Куда переехал сей Булкин – неизвестно. У полиции никаких сведений нет. Я говорил о злодее с околоточным. Тот сказал: тихий господин, рыжий... рост – метр шестьдесят, давал на чай. Никого из прислуги найти не удалось: все вернулись по деревням. Но скорее всего – злодей в городе и наверняка следит, о чем есть намеки в письме. О том же говорит штемпель...

– Штемпель, – не выдержал я.

– Что? – недоуменно спросил Фундуклиди.

– В общем, – сказал Хряпов, перебивая нас обоих и подводя резюме, – о злодее... то бишь, об этом Булкине, ничего толком не известно.

Мы с Фундуклиди смотрели на него, ожидая.

– Что ж, поскольку следствие не привело к ощутимым результатам, – наконец сказал Хряпов с легким пренебрежением в сторону Фундуклиди, – то придется принять мой изначальный план.

Грек заворочался, изображая внимание.

– Прежде всего: за домом, конечно, следят (Фундуклиди кивнул: "Да, да, я же говорил..."). Вот письмо: «Не вздумайте попытаться скрыться... придется прибегнуть к методам менее благородным...». Поэтому мой план, как вы, наверное, догадались – не выходить из дома. Каждый выход дает карты в руки врага и позволяет ухлопать нас из-за угла.

Он повторил, как особо важное:

– Ухлопать!.. Вы вооружены?

– Да, – сказал грек. – Безусловно.

– А вы?

Я пожал плечами.

– Но умеете обращаться с револьвером Смита и Вессона?

– Умею.

– Отменно. Я дам вам револьвер. Если хотите – два.

– Два... – поддакнул Фундуклиди.

– Хватит одного.

– Завтра получите оружие и патроны... И главное – самая строгая тайна.

– Значит, вы полагаете: никого, кроме нас не стоит посвящать в историю?

– Полагаю, да.

– Э... – сказал Фундуклиди, выкатывая глаза. – И больше никому не сообщим? А полиции?

– Нет, – твердо ответил Хряпов. – Ведь злодеи скорее всего уже смотрят за домом. Вообразите, что им что-то не понравится...

– Например, то, что мы заперлись и не выходим, – сказал я.

– Ну уж это вряд ли... Думаю, они на это и рассчитывали, посылая письмо.

– А если – на бегство?

– Сомневаюсь... Ведь можно же было совершить месть и не посылая вызова... Хм... Однако, надо же какая любовь к драматизму – "Через месяц я приду отомстить..." Хм! (Хряпов нервно дернул губой). Впрочем, нам некуда спешить. (Не выдержав, он быстро глянул на лист календаря, словно число уже успело смениться). Так вот, продолжаю. По моему мнению, если злодеи увидят, что их жертва хочет исчезнуть или появляются препятствия к осуществлению красивого плана... а тем паче, если вдруг полиция, охрана, шум, скандал – то они плюнут на свой драматический замысел. Да-с плюнут!.. И появятся в один прекрасный момент, откуда их не ждут: вот мы! Пустят в ход любое средство, и в итоге ваш покорный слуга...

– Не забывайте и про нас, – вставил я.

Хряпов замахал рукой, словно ожегся:

– При чем тут это! При чем тут это! Не занимайтесь, пожалуйста, демагогией, Петр Владимирович... Итак, моя мысль ясна?

– Да, – сказал Фундуклиди, пуская пушечный клуб дыма.

– Но в доме есть слуги, – заметил я. – Они посвящены в дело?

– Да! Вот вопрос: как же слуги? – выпалил грек.

– Прислуга ничего знать не будет, – сказал Хряпов. – Дворник, повар, садовник и камердинер Степан живут во флигеле во дворе. Я ничего не говорил им и даже не надеюсь на их помощь, потому что для такого дела они, поверьте, непригодны. Прислуга будет играть лишь роль закулисных в театре... Появляться в определенные часы, привозить продукты, готовить стол, убирать пыль и уходить.

– А их не поразит странное затворничество хозяина с двумя мужчинами? – спросил я. – Они могут поделиться об этом – пойдет слух...

Хряпов самодовольно выпятил губу, пока я говорил.

– Вы не знаете моих людей, они служат верней адвокатов. Я уже намекнул им, что очень ценю молчание. Ну, а если кто-нибудь все же не сдержится – что ж! Злодеи лишь получают новое подтверждение о том, что птичка в клетке. Хе-хе!

– Однако, вы берете на себя риск быть обвиненными в тайных пороках. Один – с мужчинами...

Хряпов явно развеселился.

– А ведь могут. Ей-богу, могут! Хо-хо, – ухнул он утробно. – В таком случае, давайте сделаем любовницей Фундуклиди, у него, знаете ли, формы... располагают.

Шутка была не из лучших, но Михаил Теофилактович так выкатил глаза и обиженно задвигал носом из теста, что я тоже засмеялся.

Фундуклиди сделал укоризненное лицо, как бы желая сказать:

"Конечно, я понимаю, я такой добродушный и толстый, поэтому надо мной можно смеяться". Он стал долго мять в хряповской пепельнице окурки сигары, а потом проворчал:

– Вы вот всё смеетесь господа, а между тем дело серьезное и в нем есть важный момент...

– Какой же? – почти хором спросили мы с Савватием Елисеевичем с лицами, еще радостными после шутейства.

– Почему мы... вы, – Фундуклиди поправился, – вы Савватий Елисеевич, решили, что злодеев непременно двое?

– То есть – как? – спросил Хряпов.

– А если – больше?

– Гм... – сказал Хряпов. – Как?... Почему? – и посмотрел на меня.

Я пожал плечом:

– Не думаю. Ведь написано же в письме...

– Да-да, в письме, – спохватился Хряпов. – Где оно?... Вот, нуте-ка... – он шуршал и хрустел листком. – Ага: "В конце концов... я пришел к решению... я приду отомстить...". Вот видите: двое.

– Почему двое? Где написано? – тревожно спросил Фундуклиди. – Я не слышал...

– Так ведь дело называлось: "Булкин и сын", – сказал я. – Ежели есть сын, то неужели он не поможет папаше?

– Ладно, – сказал Фундуклиди. – Сын. Но вопрос: нету ли третьего и четвертого?

Хряпов откинулся на кресле так, что пискнула спинка.

– Я думаю, что мой план предусматривает и это, – сказал он. – Дело, конечно, необычное, господа... Давайте на минуту представим себя на месте злодеев... Что бы вы делали, Михаил Теофилактович?

– Я? – спросил Фундуклиди.

Ему понравилась идея. Он извлек из коробки еще сигару, вставил ее в рот, и, забывши зажечь, торжественно изрек:

– Я напал бы внезапно!

Хряпов поморщился.

– Вы должны вообразить себя злодеем Булкиным, я не злодеем Фундуклиди... Ну-ну, больше фантазии! Влезьте в шкуру коварного и умного (в определенной степени, конечно) человека!

Фундуклиди покрутил головой, показывая, что усиленно размышляет. Я готов был спорить на любую сумму, что он так и не понял, что от него требуется.

– Э... – сказал он. – Я бы установил за домом строгое наблюдение...

– Так! – оживился Хряпов.

Фундуклиди принялся раскуривать черный палец сигары.

– Потом... я выяснил бы, нет ли поблизости засады.

– Ну-ну!

– И... внезапно напал бы!

– А вы, Петр Владимирович? – обратился Хряпов ко мне.

– Я, кажется, догадался, – сказал я. – Вы полагаете, Савватий Елисеевич: зная, что в доме находятся всего два–три человека, злодеи, исходя из расчета делать меньше шума и оставить меньше следов, тоже будут действовать малым количеством... Но, даже если со стороны злодеев будет перевес в один или два человека, он сгладится тем обстоятельством, что нападающие – они, а не мы.

– Идеально! – воскликнул Хряпов. – Итак, наша задача – ждать. Спокойно готовиться, так сказать, к Страшному суду... Хе–хе!

– А все-таки я бы известил полицию, – сказал Фундуклиди. – Так... для порядка.

– Нет–нет! – замахал руками Хряпов. – Эти господа из полиции, как всегда, будут излишне суетиться, наделают массу глупостей (извините, что я так сурово отзываюсь о ваших коллегах, Михаил Теофилактович), и в конце концов подставят нас же под пули... Нет–нет, увольте, без полиции!

– Ну что ж... – поспешно сказал Фундуклиди. – Если не хотите... Если вы так считаете... Я ведь ради вашей безопасности...

"Харчи оправдывает", – подумал я.

– Так... Что еще? – сказал сам себе Хряпов, взял со стола карандашик и покрутил его в пальцах, оживляя память. – Вроде бы всё о нашем деле... Жить будете каждый в отдельной комнате. Надеюсь, жаловаться будет не на что.

Он обвел нас взглядом. Я наклонил голову; грек молчал и сопел сигарой.

– Насчет еды – тоже не беспокойтесь. Надеюсь, что угожу вашим вкусам... (Хряпов говорил с легким оттенком превосходства и иронии; впрочем, вполне допустимым). Кстати, не желаете ли сейчас закусить? А то – может, и выпьем за успех нашего дела?

Мы с Фундуклиди переглянулись.

– Не знаю, как Михаил Теофилактович, а я не против.

– Я тоже не против, – сказал грек, как мне показалось, даже мечтательно.

Впрочем, к его фигуре гурманство даже шло.

– Отменно, – сказал Хряпов и поднялся (мы – следом). – Я заранее велел накрыть Степану а-ля фуршет... Так сказать, в честь знакомства и прочее... Вы не против шампанского? Новосветское голицынское подойдет?

– Обожаю, – промолвил я.

Фундуклиди грыз сигару.

Перед сном ко мне в комнату постучали.

Вошел шикарный, готовый ко сну, Хряпов; в коленях у него болтались кисти халата.

– Разрешите?

– Забавно, – сказал я. – Хозяин спрашивает у наемного работника разрешения войти.

– Теперь вы хозяин в этих стенах, – церемонно сказал Хряпов. – Как устроились?

– Отменно.

Комната моя со второго этажа выходила окнами в кущу деревьев, а дальше, за чугунной оградой, в рывтинах и колдобинах лежала Приречная улица.

– Я к вам, собственно, с просьбой, – сказал Хряпов.

– К вашим услугам.

Савватий Елисеевич прошептал через всю комнату и глянул в окно, словно ожидал увидеть там нечто новое, кроме июльской тьмы и гнилого света трактира "Три богатыря", что пятнами ложился на листья.

– Я хотел вас просить... как бы это объяснить... Если вам не трудно – не углубляйтесь в разговорах с Михаилом Теофилактовичем в подробности нашего с вами контракта... суммы и прочего.

Значит, бедного грека поймали на гроши!

Хряпов вопросительно смотрел на меня.

– Мне не трудно будет выполнить вашу просьбу, – сказал я.

Каждый раз, когда я вспоминал фундуклидин нос, напоминающий отметку на географических картах: "столько-то метров над уровнем моря" – меня начинал распузыривать смех.

– Вот и славно, вот и славно! – сказал Хряпов. – А теперь – удаляюсь, не буду вам мешать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Хряпов вышел и осторожно прикрыл дверь.

5.

По привычке я проснулся рано.

По комнате отсветами сквозь листья бродило солнце, и я не сразу вспомнил, где нахожусь: шкаф тщательной работы, ковер, низкий столик... Но самым замечательным предметом была кровать – пышная и податливая, словно роскошная женщина. Приятно было думать, что еще целый месяц предстоит нежиться в этих перинах в почтительном окружении дорогих вещей.

Вслед за этой мыслью пришли и прочие – тоже приятные...

В редакции с солнцем уже началась муравейная суeta. Буз из поднебесного кабинета увидел, как ползет из-за излучки старый копотун "Еруслан", и сразу же послал Ваську Беспрозованного на пристань – спасать колонку происшествий. А что, собственно, может Васька?... Настроит десяток сплетен для шапки: "Новости из столицы" и опишет слезными словами роман судового буфетчика и пассажирки из третьего класса.

По городу уже, наверное, разбежались мальчишки-газетчики, пронзительно искушая обывателей скандалами, поджогами и опрокинувшейся в Киеве конкой (по вине социалистов, конечно). К обеду Никодимыч, горестно качая очками, подсчитает выручку. Буз уедет обедать мрачный; все начнут шептаться, и кое-кто почувствует над головой занесенный меч увольнения... Екклесиастова суeta! Разве это жизнь? Нет, любыми путями – ногтями, зубами – построить фундамент собственной независимости из самого прочного материала – из того самого, который лицемеры из суеверного опасения именуют презренным металлом. Как бога, его избегают называть прямо, поминать всуе: зовут бабками, барашками, финагами... Оно и есть бог!

Я заметил, что начал оправдываться сам перед собой за то, что пошел к купцу в услужение, да еще наймитом – охранять его особу! Однако, я тотчас оборвал такие мысли: это вынужденная мера. В самом деле: кто виноват, что одни рождаются с деньгами, а другие – нет?..

Мои размышления прервал стук в дверь. Так осторожно, наверное, не стучатся даже министры в спальни королей.

Вошел слуга, он же камердинер, Степан.

– Здравствуй, Степан, – сказал я ему, представляя себя со стороны и наслаждаясь.

Действительно, эта картина мне нравилась: длинная, богатая постель и застывший лакей.

– Желаю здравствовать, – сказал Степан. – Савватий Елисеич просили к завтраку через двадцать минут-с.

– Отменно, – сказал я, потянулся, но конца кровати не достал.

Я подумал: что же говорят в таких случаях литературные персонажи? – и обронил:

– Передай: буду.

Молчаливый Степан удалился.

Я откинул одеяло и встал. Затем я долго тщательно одевался, стараясь выудить из своего костюма всю элегантность, на которую он еще был способен.

По дороге вниз (комнаты всех нас троих были на втором этаже – для безопасности) я заглянул к Фундуклиди. Он прыгал смешной, растопыренный, укрощая штанину, и живот прыгал не в такт, словно отдельное существо.

– Спустимся вместе? – дружелюбно спросил я.

– Подождите минуту, – сказал Михаил Теофилактович и что-то страстно прибавил по-гречески – сердился на штаны, наверное.

Он натянул фильдекосовые носки с цветной пяткой и шелковой стрелкой, вставил ноги в лакированные штиблеты.

– Готово.

Я растворил перед ним дверь.

– Прошу вас.

Мы вместе спустились по лестнице и оказались в библиотеке.

– Столовая – сюда, – отрывисто сказал Фундуклиди, указывая рукой.

Я взглянул на часы на стене: медное лицо циферблата показывало восемь.

– Еще рано, – сказал я, – подождем немного.

Грек выпятил карнизом губу, тоже посмотрел на часы и кивнул.

Делать было нечего, и я принялся осматриваться. Савватий Хряпов собрал в библиотеке славное общество. Стояли тут томики Бальзака, столь же пухлые, как и их автор; бумажные приложения к "Ниве"; религиозная чепуха Погодина подпирала каких-то умствующих иностранцев, из которых я, кроме звонко звучащего имени Кампанелла, никого никогда не мог запомнить.

– Доброе утро, господа! – раздалось сверху вместе со скрипом ступеней.

Свежий, как персик, в новом костюме и даже при галстук ("Непременно от Пьера Галанта", – подумал я) наш хозяин сходил к нам с приятной улыбкой.

От хряповского глаза не укрылся мой интерес к литературе.

– Нравится? – спросил он, подходя. – А вот здесь, обратите внимание, есть еще шкаф на иностранных языках. Вы читаете на языках?

– Не очень, – сказал я.

Откровенно говоря, из всех иностранных языков я знал только тот французский, на котором говорят парикмахеры и крупье.

– Жаль... Ну да что ж! Наши русские писаки нам ближе. Не так ли, хе-хе?

Фундуклиди сзади достал сигару и начал ее сосать.

– А нет ли у вас подшивки "Нашего голоса"? – вдруг спросил он.

– Помилуйте, Михаил Теофилактович! – воскликнул я. – Как сотрудник этой газеты, предостерегаю вас от ее чтения. В крайнем случае можете решить воскресный ребус.

– А мне как раз ребусы и нужны-с, – живо отозвался грек. – Для сыщика ребусы – любимая литература-с... Это – как для боксера – единоборство с грушей: держит форму.

– Вот вам... для формы, – сказал Хряпов.

К моему удивлению, он и впрямь достал подшивку "Нашего голоса" и щелчком сбивал с нее пыль.

– Есть, конечно, есть наша любимая газета! Знаете, я очень люблю город, откуда Хряповы начали расти. Иной раз, признаюсь, задумывался: не переехать ли в столицу... или хотя бы в Нижний? Не могу! И знаете, почему? Трудно расстаться с базаром, где твоему десятилетнему деду мастеровые драли уши...

Как вошел Степан, мы не увидели, потому что стояли спинами к двери.

– Завтракать подано.

– Ну, наконец-то, – сказал Хряпов. – Прошу, прошу...

В веселом возбуждении, которое всегда предшествует хорошей еде, мы прошли в столовую.

По столу плыли судки и судочки; свернутые конусом салфетки застыли, словно лакеи; хрусталь обнимал конфеты; груши и сливы сделали бы честь любому натюрморту.

– В первый раз присутствую на завтраке у Лукулла, – сказал я. – Какое великолепное зрелище!

– Обещаю вам, что на мой стол вы не будете жаловаться, – заговорил Хряпов. – Садитесь, садитесь, господа!

Мы сели (за Хряповым Степан придвинул стул).

– Ну-с, что желаете пить? Вино? Водку? Михаил Теофилакторович! Петр Владимирович! Будь вы аристократы, я бы, конечно, не осмелился предложить с утра хмельное, но зная вас как людей простых... водки?.. или, может, вина?

– Отчего ж не водки! – сказали мы с Фундуклиди.

Степан вогнал штопор в горло «Очищенной №20» Смирнова. Фундуклиди раскатал салфетку, приладил ее себе на грудь и стал похож на большого ребенка. Чмокнула пробка. Степан – по этикету – из-за левого плеча наполнил каждому рюмку. В этот миг солнце поднялось над миром настолько, что смогло выстрелить лучом к нам в столовую. Луч влетел, заметался на начищенном серебре и разбился о хрусталь, рассыпав разноцветный трепет огней. Почти ослепленный, я ощутил чувство воздушного шара, отрывающегося от земли. Не во сне ли я раньше видал подобное? Солнце явилось, чтобы осветить трапезу миллионщика! Давно-давно в детстве я воображал себя волшебником и принцем, но я рос, и сказки стали казаться ложью, а – могущественные царевичи не исчезли, только время сменило им меч, сивку-бурку и золотой дворец на сигары, особняк и коньяк в хрустальном сосуде. А моя-то жизнь-индейка... и кусают ее, жуют, грызут – другие.

– Можно подавать? – спросил Степан.

Хряпов в ответ, не поворачивая головы:

– Конечно, голубчик.

Степан подал омлет, гусиные потроха, запеченные в каком-то соусе... черт его знает, из чего он был сделан, но славный соус!

– Что же, господа, ваше здоровье, – сказал Хряпов.

Мы с наслаждением выпили и вдохновенно взялись за вилки. Фундуклиди мурлыкал, как кот; пронзив кусок, он долго с удовольствием оглядывал его со всех сторон, приходил в невиданное возбуждение, бросался на пищу и глаза у него соловели от счастья. Хряпов ел равнодушно, не спеша.

«Привычная трапеза, – подумал я. – Погребок лучших вин от вдовы Клико, местная осетринка на пару, хороший табак, кредит, дебет, дивиденд... «Иной раз, признаюсь, задумывался: не переехать ли в столицу? Не могу!..» – мысленно повторил я слова Хряпова. Отчего ж не пожить в нашем закомарье первым парнем на деревне! А надоест – долго ли: салон 1-го класса, и – куда душеньке угодно!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.